

ЧЕЛОВЕК И МИР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.М. ПРИШВИНА И КИТАЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЛИ ЕКУЙ

Ирина Германовна НОВОСЕЛОВА,
кандидат филологических наук

Произведения М.М. Пришвина, особенно его миниатюры и дневниковые записи вызывают постоянный интерес читателей восточных стран — Японии и Китая, помогая раскрывать во всей сложности процесс восприятия мира и его осознания. Это дает возможность представить космос души личности и динамику формирования ее художественного видения. Рождение образа непосредственно на материале пережитого только сейчас, в настоящем, всегда было предметом особого внимания художников Востока. В этом отношении миниатюры Пришвина дают возможность проследить переход повествователя от непосредственного восприятия происходящего к сфере философского и художественного обобщения.

Особенно привлекало внимание писателей Востока отношение М.М. Пришвина к природе. В Японии и Китае произведения писателя издаются регулярно в течение многих лет, литературоведы этих стран — частые гости дома-музея Пришвина в Дунине. Именно в этот музей из китайского консульства были принесены книги непрофессионального китайского писателя Ли Екуй, который увидел в Пришвине своего учителя, а в поэтических образах его произведений обнаружил созвучие своим размышлениям о жизни.

Ли Екуй не был лично знаком с русским писателем, но все-таки в его жизни состоялась встреча с творчеством Михаила Михайловича Пришвина; китайский автор очень увлечен книгами русского художника слова. В какой-то мере можно говорить, что совпало отношение этих писателей к окружающему миру, созвучным оказалось видение этих разных людей того, что ежеминутно происходит вокруг.

В переводе имя Екуй ассоциативно связано с сочетанием «блеск дела». Он родился в 1957 г. в г. Ланчжоу (на Северо-Западе Китая). Сейчас работает в отряде милиции при управлении общественной безопасности г. Пинляна заместителем начальника патрульной службы. Ли Екуй состоит в ассоциации писателей Пинляна. Во внеслужебное время он занимается литературным творчеством. В конце 90-х годов XX в. им был опубликован сборник стихотворений «Любовь — желание человеческой жизни» и сборник прозы «Годы по своему желанию». Ли Екуй увлечен произведениями Пришвина и считает, что его творчество дает ему вдохновение, позволяет почувствовать «родственное внимание» ко всему окружающему миру.

Это чувство особенно дорого для китайского писателя, о чем он говорит в одной из своих миниатюр «Харди и Пришвин». Английский писатель Харди, по мысли Ли Екуя, отражает существующие в реальной жизни противоречия, но Пришвин в своем творческом поиске идет дальше, обращая внимание на «*сосуществование вечности и общественно-исторической реальности*». Идеи добра и любви, как считает Ли Екуй*, питают творчество Пришвина, соотносят его поиски с ходом бытия: «*Его идеи и (писательское) искусство, если сравнивать с идеями и искусством Харди, обладают более активным стремлением к добру, а в этом и общественный прогресс, и свет (жизни), и сосуществование вечности и общественно-исторической реальности*».

Можно утверждать, что на Харди (лежит) тень пессимизма и фатализма, а Пришвин позволяет увидеть, как мы постепенно движемся к нашей весне.

Китайскому писателю мир видится как вечная борьба добра и зла, с этой позиции им оцениваются мораль и духовные основы общества.

Произведения Пришвина воспринимаются Ли Екуем не только конкретно-историческими, но и значимыми для всего человечества, потому что обладают высокой степенью обобщений, верой в общую «нашу весну». Это понятие широкое и емкое, оно философично.

Обратим внимание, как возникает мотив весны в миниатюре Пришвина из цикла «Глаза земли». Она названа «Весна», но это не картина природы, а описание состояния души человека, сосредоточенного на деле: «Что-то делаю, ничего не вижу в природе, ни за чем не слежу. Но чувствую, что кто-то ходит со мной желанный, и как о нем подумаешь — так хорошо становится» (1, 305). В то же время мы не можем говорить конкретно, кто именно этот «кто-то желанный», это понятие не нуждается в точном определении, неважно, одушевленный ли это предмет или абстрактное понятие — «весна». Значение имеет описание состояния души человека, которое бывает в ожидании весны: «А бывает, что-то не клеится, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Вспомнишь о хорошем и поймешь: это весна» (1, 305). Ожидание весны перекрывает все неудачи и сложности жизни. Радость прихода весны живет где-то глубоко, на уровне подсознания личности.

Восприятие мира, красоты в себе самом и вокруг, ощущение себя как части мироздания — все это импульсивно ведет человека к определению своей нравственной позиции, к добрым делам, активизирует его стремление передать свои чувства другим, сделать что-то доброе. В эпиграфе к дневниковым записям 1947 г., собранным в книге «Глаза земли», писатель отмечает: «Моя поэзия есть акт дружбы с человеком, и отсюда мое поведение: пишу — значит люблю» (1, 300). Диалогичность повествования в этом произведении связана часто с прямым обращением писателя к своему читателю: «Этого друга моего вы не увидите, и я сам его не вижу. А только знаю, что он есть: это мой читатель, кому я пишу и без кого я не мог бы ничего написать» (1, 300).

Выход к философским категориям от конкретных зарисовок — характерная черта миниатюр и русского писателя Пришвина, и китайского автора Ли Екуя, который одно из своих произведений назвал символично «Человеческий маяк». Оно построено ритмично: каждая строфа начинается со слова «существует», что в целом создает жизнеутверждающее настроение. Прием моноритма, единоначатия акцентирует внимание на том, что составляет внутреннюю сущность человека.

«Существует чувство, которое дает возможность человеку думать о жизни. И это может дать человеку разум, чтобы делать добро.

* Подстрочные переводы миниатюр китайского писателя Ли Екуя выполнены выпускницей филологического факультета Дальневосточного государственного университета гражданкой Китая Ци Фэн.

Существует мысль, что человек может думать о чужом человеке, и это дает ему настоящую силу его речи.

Существует настроение, которое очищает нечестные чувства, и это может дать нам искренность по отношению к человеку.

Существует поведение, когда мы можем учиться друг у друга и влияем друг на друга. И это дает нам землю, чтобы мы садили любовь.

Существуют знания, чтобы всех нас, живущих в обществе, научить пользоваться красотой — купаться в истинных лучах солнца...

Настроение, созданное таким построением миниатюры, утверждает силу существующих на земле законов бытия, позволяющих человеку приобщиться к красоте мира. Это своеобразные основы жизни, без которых ничего не может быть вечным.

Дальнейшее повествование содержит переход к обобщению и вывод о том, как эти законы бытия проявляются в жизни человека:

«Идея рождается от чувства, а истина рождается от размышления.

Итак, у кого нет чувства, то есть у кого нет откровенного размышления, ...тот не может совершить откровенный поступок. Человек — обычно маяк жизни, именно огромный объединяющий блеск души».

Такой вывод делает Ли Екуй в результате своих раздумий над природой бытия. Образ человека-маяка особенно значим, он символичен: в нем утверждается связь мира и личности, которая является только отблеском вечного, но в то же время сила мысли человека способна дать ему главное — возможность объединения, сделать своеобразным «маяком жизни», источником света и добра. Поэтому миниатюра и названа «Человеческий маяк».

Само построение миниатюры, где единоначатие становится значимым (каждая строка создает ощущение пульсации света, мигания маяка), передает не только то появляющийся, то исчезающий свет маяка, но и становится связанной с проявлением в душе человека разных чувств. Важно, что побеждает стремление к «откровенным поступкам», желание «садить любовь», делать добро. Концентрируя в себе «блеск души», человек-маяк светит другим, объединяя всех этим светом, помогая всем живущим на земле «купаться в истинных лучах солнца», творить добро, любить, «думать о чужом человеке».

Душа человека, его чувства способны создать счастье. Одна из миниатюр китайского писателя названа «Создание рая». В ней говорится, что человек свободен, он способен «свободно реять в воздухе»: «...И тогда мы душами садим зелень любви, когда взлетаем в безграничный, бескрайний воздух.

Когда посаженные семена выросли, деревья возвышаются до небес. Каким человеком ты стал в чужих глазах — мы нашли жизненную истину, сами получили душевное успокоение. И тогда небо, земля, горы и вода перед тобой — все превратилось в поэтическую картину, превратилось в чудесную ароматную траву, которая украшает цветущий сад любви нашей эпохи».

Главная цель писателя — украсить своими чувствами переживания жизни «цветущий сад любви нашей эпохи». Именно такими широкими категориями мыслит писатель: его волнует не только счастье отдельного человека, но и судьба людей своей эпохи. Вдохновляет человека все окружающее пространство жизни, вся природа. Но и он сам своими чувствами сообщает простор, свободу и небу, и горам, и воде.

Восприятие мотива сада как цветения жизни прослеживается в миниатюре Пришвина «Сад». Ощущение радости заполняет все повествование, потому что писатель воспринимает то, что случилось как знак жизни: человек семидесяти пяти лет сам сажает сирень, и это делают «страстно» многие люди, «все, кто может, сажают сады» (1, 329). И это сообщает радость бытию: «люди живут, как бессмертные, презирая свое знание смерти», и именно это позволяет почувствовать невозможное — «что лучшее у человека есть действительно сад

(рай)» (1, 330). Тема рая выводит повествование к категории вечного, но путь к нему возможен, по мнению Пришвина, прежде всего от личности, ее самоощущения своего места в жизни.

В миниатюре Пришвина «Трава» конкретно-бытовой образ помогает создать размышление о чувстве Родины, о бесконечном ритме отношений человека и земли, где он родился: «Я расту из земли, как трава, цвету, как трава, меня косят, меня едят лошади, а я опять с весной зеленею и летом к Петрову дню цвету» (1, 335). Неумолимый ход бытия сопряжен в миниатюрах Пришвина с процессом творческого роста личности, цветения чувств в душе каждого из нас, которое связано с мотивом обновления жизни весной.

Человек видится Ли Екую как часть огромного мира. Это роднит его прозу с произведениями М.М. Пришвина, в которых мир предстает как зеленый лес, райский сад, где каждый — часть большого единства и в то же время остается самостоятельным и неповторимым. В произведениях русского и китайского писателей заметно совпадение мотивов, символизирующих жизнь: у Пришвина это трава, сад, лес, у Ли Екуя — сад, деревья. Особенно важно, что за этими образами встают понятия, связанные с попыткой постижения хода бытия: «цветущий сад любви» и «зеленый лес». Эти образы создают в повествовании жизнеутверждающие мотивы, помогая человеку почувствовать безграничность мира и своей души.

В миниатюрах Ли Екуя мысль о единстве людей и индивидуальной неповторимости каждого человека находит воплощение не один раз. Он говорит, что судьба человека напоминает не только цветок, но и дерево. Вообще личность включает в себя все живое на земле, и поэтому связана со всем, что окружает человека в мире природы. Об этом говорится в миниатюре «Дерево».

«Я видел одну березу, которая растет в широкой и плодородной земле. Но выросли ее беспорядочные ветви и нарушили образ стройной березы.

Однажды я путешествовал в горах Хуаньшань и увидел одну сосну. Она растет из голой каменной щели.

Крепкие и высокие ветви ее простираются к небу. Они как будто направляют всю сосну ввысь, к небу.

В этом смысле жизнь человека похожа на эту сосну. Если человек стремится к жизни, к мечте, то не нужна сытая и разгульная жизнь».

Рассуждения Ли Екуя иносказательны и носят порой назидательный характер, китайский писатель стремится иногда поучать своих читателей. Во многом это идет из традиций китайской литературы. Но самое ценное в миниатюрах писателя — не финальный назидательный вывод, а сам ход рассуждений, построение текста, когда случаи, происходящие в действительности, вызывают движение мысли. Мы откликаемся на чувства писателя, их динамику, понимаем, что ощущает в этот момент тот, кто записывает свои эмоции и размышления. Он оказывается настолько близким, что мы не удивляемся, когда писатель часто обращается к нам как к собеседникам: «друг мой», «брат», «ты». В этом доверительном обращении к читателю писатель стремится выразить свое «родственное внимание» к нему, помочь и нам пережить то, что чувствует он в момент создания своего произведения. Такое обращение к чувствам и мыслям читателя, наверное, можно назвать словом Пришвина «родственным».

Внутренний мир человека Ли Екуй видит как сложное взаимодействие разных чувств. Для этого писателя человек — объект сострадания и сочувствия, он стремится защитить его от страшного мира. Этим размышлениям Ли Екуй посвящает миниатюру «Трагедия Дон Кихота».

«Некий человек, (руководствуясь) чувством доброты и любви, страдает и в то же время испытывает страх за все происходящее в обществе. И каждый может стать объектом его сострадания и страха, но тем не менее нет никого, кто в действительности стал бы его настоящим другом или врагом.

Такому человеку нигде не везет, и он грустно живет, впадая в меланхолию с ощущением того, что его никто не понимает.

Такой человек действует с закрытыми глазами, попадает в ситуации абсурда. В результате оказывается, в силу различий способа существования, высмеянным людьми как Дон Кихот...

Я на попроще литературного творчества как раз и представляю такую традицию».

Главным мотивом в этой миниатюре становится трагедия непонимания, ее глубоко переживает писатель. В то же время именно в этой миниатюре ярче всего представлена индивидуальность китайского писателя. Казалось бы, трудно придумать более прозаичную профессию, чем у Ли Екуя. Он имеет дело по роду своей службы с отклонениями человеческой природы, с нарушениями закона, но душа его рвется к высотам проявления личностного духа, космоса чувств человека.

Обращение к образу Дон Кихота помогает китайскому писателю обрести в мире человеческих чувств родственную душу, но печально, что у своих современников лирический герой произведения не находит понимания, созвучия своим мыслям о мире и человеке. Важно, что у Пришвина в цикле «Глаза земли» Ли Екуй, как подчеркивает не раз сам китайский писатель, находит жизненные опоры.

В цикле миниатюр «Глаза земли» у Пришвина есть произведение, в котором писатель обращается к героям Сервантеса. В миниатюре «Альдонса и Дульсинея» он пишет: «Прикасясь к самой малой ничтожности мира, сообщая этому свое лицо, ты открываешь для всех позабытое, как забыта всеми великая Дульсинея, заключенная в обыкновенной девке Альдонсе» (1, 331).

М.М. Пришвин рассматривает формы красоты в мире: она заключена в обыденном, сиюминутном, часто обыденном проявлении бытия, в «самой малой ничтожности мира». И почувствовать это, «открывать для всех позабытое» — творческая задача писателя. Пришвин в обыденном (Альдонсе) открывает то, что люди будут помнить веками (Дульсинею). Эта мысль вдохновляет нашего современника — китайского писателя Ли Екуя, поэтому он называет произведение Пришвина «Глаза земли» бессмертным.

Оба художника слова обращаются к образам Сервантеса, формируя важную позицию самовыражения своей писательской функции в мире. Они выявляют, что представляет собой сама творческая личность писателя, в чем его главная сущность. Пришвин и Ли Екуй сопереживают человеку, открывают в его душе универсальные связи с миром людей и космосом бытия. Художественная космогония, выраженная в самом названии произведения Пришвина «Глаза земли», сближает творческие позиции писателей разных стран — России и Китая.

Обратим внимание на особенности построения произведения М.М. Пришвина «Глаза земли». Из дневниковых записей писатель составил несколько книг. Записи 1946—1950 гг. систематизированы для собрания сочинений в книгу «Глаза земли», работа над которой была прервана кончиной писателя.

Лирические миниатюры М.М. Пришвина перекликаются с судьбой и личностью самого писателя, со стремлением «я» автора к гармонии и полной свободе, с его социально-политическими, философскими, эстетическими взглядами, с изменением его мировидения. Обращение к самому процессу восприятия личности мира позволяет увидеть многомерное взаимодействие реальности с феноменом сознания, «осознанным бытием», уточнить концепцию природы и человека в творчестве писателя и процессе его восприятия иностранным читателем.

«Космос души» личности у М.М. Пришвина соотносится с системой духовных координат личности и формированием своего «неба и земли» для каждого человека. Этот поиск связывает человека с другими людьми, соединяет «я»

и «мы», помогает ему утвердиться в мысли о вечности существования самой жизни. «Весь путь мой был из одиночества в люди... я по себе других людей узнаю и природу...», — так начинается свой цикл «Глаза земли» Пришвин (1, 275). В то же время «я» личности обретает и другие, вневременные координаты: «Мое «я» в дневнике должно быть таким же, как и в художественном произведении, т.е. глядеться в зеркало вечности, выступать всегда победителем текущего времени» (1, 275).

Поэзия художественного произведения воспринимается Пришвиным как сфера, открывающая душе перспективу, размыкающая ее зеркально в космос бытия. «Я» писателя в этом «расширении» мира и сознания обретает творческую силу. «Когда я открыл в себе способность писать, я так обрадовался этому, что потом долго был убежден, будто нашел для каждого несчастного одинокого человека радостный выход в люди, в свет. Это открытие и легло в основу жизнеутверждения, которому посвящены все мои сочинения» (1, 302).

Поиск человеком гармонии как воплощения вечного сообщает произведениям Пришвина своеобразную динамику. Гармония природы для писателя — это состояние жизнеутверждения прежде всего в лирическом. В миниатюре «Сила жизнеутверждения» он пишет, что все неудачи и несчастья уходят, «отмирают». «А утверждения, находки, победы, красота, рождение человека — это все сбегается, как ручьи, и образует силу жизнеутверждения» (1, 302). Человек в восприятии писателя не погребен в себе, а постоянно меняется, утверждаясь в своем движении к гармонии с миром своей души, которая предстает как макрокосм. Сфера лирического способна вместить красоту жизни и чувств, душа вбирает переживания всего, что есть в мире.

Своеобразным символом процессов, происходящих в душе человека, становится миниатюра Пришвина, названная «Вода». Повествование в ней начинается с пейзажной зарисовки: чайка, плывущая на маленькой льдине, исчезает «вдали, там, где виднеется белая церковь в кудрявых облаках под сорочьим царством черного и белого» (1, 280). Художественное пространство миниатюры расширяется за счет оппозиции «большой и малой воды», переводится рассуждением о большом и малом в жизни в философское пространство, что делает относительно локальную зарисовку развернутой в бесконечность мира.

«Большая вода выходит из своих берегов и далеко разливается. Но и малый ручей спешит к большой воде и достигает даже и океана» (1, 280). Вода — это стихия жизни, динамика; само движение воды — суть ее проявления. Вода становится символом гармонии жизни, вечным ритмом природы. «Только стоячая вода остается для себя стоять, тухнет и зеленеет» (1, 280). Но и природа души человека соотносена с этим законом бытия: «Так и любовь у людей: большая обнимает весь мир, от нее всем хорошо. И есть любовь простая, семейная, ручейками бежит в ту же прекрасную сторону» (1, 281). Многообразие большого и малого в природе и душе человека противостоит только одному — «стоячей воде», эгоизму личности. «И есть любовь только для себя, и в ней человек тоже, как стоячая вода» (1, 281). Движение к «большой воде», утверждение многообразия проявлений жизни, стремление объять пространство мира силой любви — все составляет главный мотив этой миниатюры.

Закон гармонии, который царит в природе, созвучен и чувствам людей, именно этот пласт повествования важен для Пришвина-философа, который мир воды воспринимает как мир чувств личности. Он пишет: «Любить — значит делать» (1, 302). Миниатюра названа «Борьба за любовь» и в самом названии подчеркнута движение чувств человека, его стремление к любви как преодоление однолинейности, закрытости в приближении, в стремлении к гармонии. В миниатюре «Рождение прекрасного» писатель говорит о своем порыве отдать себя миру: «Вот так пишу теперь, что является высокое желание отдать душу за других людей и самому стать добром истории!» (1, 303).

Феномен истории переосмыслен как временной отрезок всей культуры, где торжествуют нравственные законы бытия: высокое желание самопожертвования во имя других, законы совести и добра. Человек способен в этом вечном времени культуры «стать добром истории», оставить добрый след в жизни.

Ценность человеческой личности определяется ее способностью любить, а значит к глубинному контакту со всем миром. Эти образы на грани чувственного и понятийного составляют неповторимую черту дневниковых миниатюр Пришвина, делают их феноменологически направленными. Для писателя важно не потерять своего «я», не изменить самому себе, а пронизать своим сознанием окружающее, вобрать в себя мир, запечатлеть этот момент, когда человек чувствует и осознает одновременно ответ окружающего в себе.

Пришвин опирается в своем восприятии жизни на процесс самопознания личности как проявление «творчества мира», который идет «поверх» истории и включает в себя и природу, и человека, и культуру. «Хор» жизни создает столь мощный импульс в сфере «я», что сама личность становится началом, гармонизирующим мир. Именно человек «ищет символ в хаосе», наполнен чувством «отдаться, а не взять», испытать «радость мира», «радость о сотворенном и вечном». Это и наполняет его способностью «через смерть видеть мир сотворенным». Пришвин находит космическую координату жизни человека, которая помогает ему реализовать его надежды вопреки исторической ситуации.

В миниатюре Пришвина «Мой путь» писатель ищет связь между человеком современным и жившим много лет назад до сегодняшнего дня. «На этот вопрос я отвечал себе образом Надвоицкого водопада: сколько существ всевозможных форм образуют струи водопада, падающие на камни, и все-таки водопад един. Так и весь человек, падающий и восходящий, как «царь природы» (1, 331). Самоанализ творческого пути выводит писателя к ощущению особой силы своих творческих открытий: «И всякую новую землю я как бы открывал. Роднил, делал то самое, что делают путешественники всех времен: расширял свою родину» (1, 331).

М.М. Пришвин анализирует свои отношения с миром, видя их кардинальное изменение: «Мне казалось тогда, что я шел скорее мира, и догонял его, и брал из него то, что мне надо было. Но с некоторого времени, как я правильно где-то записал, у меня переменялось мироощущение, как будто я стал, а мир пошел вокруг меня» (1, 331). Конечно, эта антропоцентрическая модель восприятия мира несовместима с психологией человека Востока, но произведения Пришвина тем привлекательны для восприятия людей разных убеждений, что наполнены оппозициями: жизнь—смерть, сиюминутное-вечное, «весь человек, падающий и восходящий» (1, 331). Символично, что в цикле «Глаза земли» сразу же за миниатюрой «Мой путь», в которой рассказывается о противоречиях личности, идет зарисовка, названная «Жизнь бессмертна». В ней сама жизнь идет независимо от человека: «Пусть тут — последнее дыхание, там, несмотря ни на что, утверждается жизнь: помирать собирайся — рожь сей» (1, 332). Оппозиция «тут—там» не связана с конкретным пространством, перед нами зона восприятия личности — особая сфера «понимания сердцем», очерченная в произведениях М.М. Пришвина: «Вечером сегодня я стоял над холодной рекой и понимал сердцем, что все в природе кончилось...» (1, 332).

Во многом близкой для иностранных читателей стала и сама форма миниатюры, которую творчески разрабатывал Пришвин. Художественную ткань его миниатюр представляет система фрагментов, ассоциативно связанная образами и мотивами. Количество фрагментов может быть различным. Однако характерной для записей писателя является ассоциативность связей между описательными фрагментами и авторскими размышлениями о духовном пространстве бытия. В то же время необходимо отметить обращение писателя к восприятию бытовых деталей во всей их конкретности.

В миниатюре «Декабрь» Пришвин создает сам процесс восприятия происходящего как конкретно-чувственную картину: «Сегодня хороший мороз, чистое небо, тело просит шубы, — душа ждет весны» (1, 333). Оппозиция материального и духовного дана в ярких образах, связанных с ощущениями человека.

Миниатюра «Рождение мысли» построена на иносказании. «Долгое время жизни моей попадали в меня пульки и дробинки, откуда-то в душу мою, и от них оставались ранки. И уже, когда жизнь пошла на убыль, ранки эти бесчисленные стали заживать. Где была ранка — вырастает мысль» (1, 334). Само движение человеческой жизни воспринято метафорически: пережитое рождает новое — мысль о прожитом, духовный опыт становления личности на ее пути к пониманию других.

Творческое «я» всегда связано с «переходным», пограничным состоянием между внешним миром и чувствами писателя. Сам «дух жизни» становится предметом наблюдения для писателя. События попадают в центр внимания писателя прежде всего потому, что на них откликнулась его душа, что они вызвали в нем размышления о широте и глубине связей всего происходящего с естественным ходом бытия. Они стали частью жизни сознания индивида. В дневниках М.М. Пришвина происходит активное видение жизни «на границе души» и духа, категория настоящего трансформируется в вечное время развития жизни, а «я» личное становится «Я всеобщим» (2). Писатель объективирует все свои переживания, стремясь стать и предметом видения, и зафиксировать сам процесс опредмечивания чувств. Поиск ассоциативных связей с миром, движение чувств и мысли Пришвин в дневниковых записях обозначил как «далекое и близкое», соединяющее героев и самого писателя со всеми людьми «родственным вниманием». Осмысляя свободу личности, Пришвин видит ее в тесной связи с бытием, а самого человека воспринимает как звено цепи мира, как часть, связанную с целым самим процессом восприятия мира.

«Отклики» души и дают импульс повествованию в записях М.М. Пришвина, поэтому и пейзаж, и впечатления от встреч с людьми даются через призму авторских раздумий о жизни, о ее естественном движении. Ощущение природного ритма зимнего утра оказывается ассоциативно связанным для писателя с размышлением о естественном ходе жизни человека. Природа и человек составляют то закономерное течение жизни, то внешнее бытие, на которое откликается душа автора, переживая его в своих творческих замыслах.

Цельность личности, духовное единство человека для Пришвина чрезвычайно важно. Это чувство возникает в дневниковых записях постоянно, потому что события настоящего становятся для писателя прежде всего пережитым, своеобразным «фактом души», явлением, которое преобразено сознанием человека.

Обращение к творчеству М.М. Пришвина китайского писателя Ли Екуя дает возможность открыть для себя заново Пришвина-мыслителя в его произведениях человеком Востока, подчеркнув его особое место как летописца времени и просто человека, мучительно осмысляющего противоречия личности первой половины XX в., что обретает значимость в формировании особой культурной модели восприятия отношений человека, природы и мира как сферы «родственного внимания», как диалога людей разных взглядов и различных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пришвин М.М. Собрание сочинений в 6 т. М., 1957. Т. 5. 735 с.
2. Пришвин М.М. Дневники. 1920—1922 гг. М., 1995. 334 с.

SUMMARY. “Man and World in the works by M.M. Prishvin and Chinese writer Li Ekui” is the title of the article by Candidate of Philological Sciences I. Novosyolova. The article compares the books of M. Prishvin and Li Ekui and states the similarity of their ideas.